

6.

КУЛЬТ МЕРТВЫХ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Кульτ мертвых в истории и культуре восточных славян — тема огромная и, несмотря на интерес в этнографии к похоронным ритуалам, в археологии — к захоронениям, в фольклористике — к причитаниям, все еще недостаточно изученная. Практика погребения — одна из базовых, делающих общество человеческим. Животные не хоронят своих мертвецов. Нас будет интересовать лишь один ее аспект. А именно: современная практика перезахоронения останков.

Как существующие в современной российской жизни отношения между живыми и мертвыми проявляются в этих актах?

Постановка подобного вопроса представляется правомерной, поскольку в этом явлении российской социальной жизни содержится какое-то оценочное противоречие: эксгумация вызывает значительное эмоциональное напряжение — «тревожить прах» дурно. При этом эмоциональное напряжение не меньшей силы (но с положительным знаком — воодушевление) вызывает и перенесение праха в «подобающее» с точки зрения совершающих это действие место. Одно и то же действие — перезахоронение останков — в одних случаях вызывает яростный общественный протест, в других — активно обществом поддерживается. Подобных событий в России начала XXI было слишком много, чтобы не заметить их антропологическую составляющую: перезахоронения праха значимых исторических личностей — Деникина, Ильина, императрицы Марии Федоровны, А. Дярябина и др., а также перезахоронения останков солдат, погибших во время Великой Отечественной войны. Приведу два примера из новостных лент.

16 сентября 2008 года. «Известный историк казачества Федор Щербина будет перезахоронен на родине. Прах известного историка Федора Щербина доставлен в понедельник специальным самолетом в Краснодар из Праги. Именно в этом чешском городе выдающийся дореволюционный историк, уроженец станицы Новодеревянской Краснодарского края, провел последние годы жизни, мечтая о возвращении на родину. «Это была воля Федора Андреевича Щербина — быть захороненным на Кубани», — сказал корр. ИТАР-ТАСС губернатор Александр Ткачев»⁸⁷.

«4 октября 2005 года в Москве в Донском монастыре состоялась торжественная церемония перезахоронения праха генерала Антона Деникина, философа Ивана Ильина и их супруг»⁸⁸.

Приведу еще два практически совпавших по времени события: прошедшее без особого общественного резонанса перезахоронение летчиков, погибших за Москву, вызванное необходимостью строить окружную дорогу, и практически одновременно — яростный общественный протест россиян, когда было принято решение о перенесении останков Неизвестного солдата из центра Таллина на кладбище.

Сочетание известного ряда факторов — восприимчивости, отсутствия рационального толкования, коллективности и эмоционального накала — делает это явление достойным объектом антропологического внимания.

Для его рассмотрения обратимся к одному рассуждению Клода Леви-Стросса. В нем ученый сопос-

тавлял фольклорные мотивы и культурную практику: «Даже если попытаться свести к единой модели типы поведения по отношению к мертвым, наблюдаемые в разных человеческих сообществах, то придется признать принципиальное различие между полюсами спектра, в пределах которого можно обнаружить множество промежуточных стадий. Некоторые сообщества почитают и умиротворяют умерших, а те — покровительствуют смене времен года, плодородию полей... Все происходит так, как будто между живыми и мертвыми было заключено соглашение»⁸⁹. С подобным правилом почитания мертвых, по мнению Леви-Стросса, связан известный во многих культурных традициях фольклорный мотив благодарного мертвеца. В восточнославянской традиции этот мотив также достаточно популярен. В сравнительном указателе сюжетов «Восточнославянская сказка»⁹⁰ учтено несколько типов сюжетов, содержащих этот мотив. Они представлены более чем полусотней опубликованных сказочных текстов:

507=AA 507A, B, C

Благодарный мертвец: герой хоронит мертвеца, и тот помогает ему жениться на встающей из гроба царевне, все женихи которой были съедены ею ночью в церкви (костеле); мертвец предлагает разделить царевну пополам, чтобы «очистить ее».

508=AA 508A

Благодарный мертвец: дарит похоронившему его человеку коней и оружие для борьбы со змеями (врагами).

—508**

Благодарный мертвец и разбойники: мертвец приводит похоронившего его человека в дом, где пируют разбойники, и убивает их; богатства разбойников достаются этому человеку.

508*=AA 508*B

Благодарный мертвец: исполняет трудные задачи (за три дня строит церковь).

Мотив благодарного мертвеца предполагает наличие вполне определенного культурного императива — уважение к мертвым проявляется в необходимости предать земле их останки, то есть совершить похоронный ритуал. Захоронение останков

⁸⁷ Цит. по: <http://www.patfischia.ru/db/text/460534.html>

⁸⁸ Цит. по: <http://www.patfischia.ru/db/text/51404.html>

⁸⁹ Леви-Стросс К. Печальные тропинки. М., 1999. С. 293—294

⁹⁰ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979.

умиротворяет душу покойного и делает его помощником, а точнее — патроном исполнителя ритуала. Отметим также и то, что в некоторых сказочных текстах, разрабатывающих эти сюжеты, функцию *благодарно-го мертвеца* исполняют святые (например св. Николай в сюжете типа 507=AA 507A, B, C), а также покойный отец героя (сюжет 508=AA 508A), то есть «родители», предки. Иными словами, чудесный патрон может быть представлен как предок или как святой-покровитель.

Особое уважение к акту захоронения сохраняется в нашей культуре и сегодня: родственники должны быть на похоронах. Род должен собраться вокруг покойного, проводить его и принять участие в поминальной трапезе. Эта традиция до сегодняшнего дня имеет административную поддержку: при наличии телеграммы о смерти близкого билеты на транспорт, для того чтобы успеть на похороны, предоставляются вне очереди.

В другой части спектра отношений между живыми и мертвыми, представленного в разных обществах, находится такой тип отношений, который можно назвать *плутовским* или *трикстерским*⁹¹. Леви-Стросс описывает его так: подобное отношение отображено «в фольклорном мотиве, который я назвал бы мотивом предпринимчивого рыцаря. В этом случае герой беден. Его единственное достояние — зернышко пшеницы; хитростью ему удается обменять его на петуха, петуха — на поросенка, поросенка — на быка, быка — на человеческие останки, которые, в свою очередь, обмениваются на живую принцессу. Как видим, умерший здесь является не субъектом, а объектом. Вместо того чтобы, как в первом случае, быть партнером, с которым заключается соглашение, он становится орудием спекуляции, основанной на хитрости и обмане»⁹².

Второй из описанных Леви-Строссом мотивов в восточнославянской традиции не менее популярен.

СУС: 1537 Мертвое тело: дурень везет свою убитую мать (нередко убитую им самим), сажает труп в чужой погреб (на чужую лошадь, прислоняет к чужому окну); каждый раз новое лицо (поп, богач, барин) обвиняется в ее смерти; дурень берет с них отступное⁹³.

Леви-Стросс указывал на прямое соответствие между этим фольклорным мотивом и определенными социальными тактиками: «Некоторые общества относятся к своим мертвым подобным образом. Они не только не позволяют им обрести покой, а исполняют их: иногда в буквальном смысле, как, например, в случае канибализма и некрофагии, в основе которых лежит стремление присвоить добродетели и силу умершего... Иногда использование мертвых происходит символически, как в случае, когда члены общества, где чрезвычайно развито соперничество, вынуждены, так сказать, осмелиться призвать на помощь мертвых, стараясь обосновать свои претензии на исключительность ссылкой на предков и генеалогическим мошенничеством»⁹⁴.

Итак, различие в описанных тактиках основано на характере отношений живых к мертвым. В первом случае мертвые — личности или, во всяком случае, адресаты вотивных поминальных действий, а отношения живых и мертвых — партнерство, подразумевающее равноправных участников и диалог между ними⁹⁵. Во втором случае умершие — «мертвое тело», останки, прах — объект, но не субъект отношений. Объект наделяется теми или иными символическими значениями и используется в социальных играх.

Как мне представляется, в современной России представлены обе эти тактики. И это касается как политически и социально значимых событий или макро-событий, так и событий частной жизни. Безусловно, сохраняющееся в отечественной культуре почитание

⁹³ В СУС указано около 40 восточнославянских текстов, в которых представлен этот мотив, но в действительности их зафиксировано значительно больше: этот сюжет был весьма популярен в рукописной традиции: см. Овчинникова О.В.

Текстологические приемы изучения рукописных вариантов сказочных сюжетов (на материале «Повести о Шемякином суде») // Русский фольклор / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Т.Г. Иванова. Л., 1991. Т. 26: Проблемы текстологии фольклора. С. 106–114.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Более того, отношения между живыми и мертвыми одного рода представлялись как отношения патронажа.

⁹¹ Раддин П. Трикстер.

Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб, 1999.

⁹² Леви-Стросс К. Печальные тропинки. М., 1999. С. 295.

